

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ

23 сентября 2008 г. в Институте актуальных международных проблем (ИАМП) Дипломатической академии МИД России состоялось заседание «круглого стола» на тему: «Россия - Центральная Азия и радикальный ислам».

В работе «круглого стола» приняли участие представители МИД России, Института востоковедения РАН, Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Совета муфтиев России, Свято-Филаретовского института, Московского гуманитарного университета, МГИМО (У), Центра Карнеги и других ведущих научных центров, а также представители посольств стран Центральной Азии.

Заседание открыл директор ИАМП **А.К.Пушков**. В своем выступлении он подчеркнул важность выбранной темы в условиях перехода от однополярного мира американской гегемонии к многополярному мировому порядку. С пленарными докладами выступили: С.А.Николаев - заместитель директора Третьего департамента СНГ МИД РФ, А.В.Малашенко - член научного совета Центра Карнеги, А.Б.Под-

Участники «круглого стола» обсуждают проблемы борьбы с угрозой радикального исламизма в Центральной Азии.

цероб - заведующий отделом Института востоковедения РАН, Г.А.Рудов - руководитель Центра мировой экономики и глобальных проблем ИАМП.

С.А.Николаев в своем докладе представил обзор нынешнего состояния отношений России с государствами Центральной Азии. Он подчеркнул, что Россия заинтересована, прежде всего, в том, чтобы этот регион был стабильным и безопасным, чтобы неуклонно укреплять с входящими в него государствами отношения стратегического партнерства и союзничества, вместе с ними работать над решением региональных проблем, включая борьбу с терроризмом, экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков. Среди всех областей взаимодействия он особенно выделил энергетику, так как именно в этой отрасли закладываются основы многостороннего сотрудничества с центральноазиатскими партнерами, проходят «обкатку» перспективные интеграционные схемы.

В рамках двустороннего гуманитарного сотрудничества Россия уделяет повышенное внимание вопросам защиты прав и интересов наших соотечественников, сохранения позиций русского языка, расширения российского образовательного, культурного и информационного пространства в государствах региона. Есть понимание необходимости использования в этой сфере ресурса гражданского общества, в том числе возможностей Фонда «Русский мир».

В докладе было также отмечено, что центральноазиатский регион все больше притягивает внимание влиятельных мировых игроков - Китая, США, Японии, Евросоюза. В России это воспринимается спокойно, так как интегрирование центральноазиатского пространства в более широкие форматы взаимодействия является объективной реальностью, что, в свою очередь, предполагает усиление там конкуренции в самых различных областях. Россия не претендует на роль монополиста в центральноазиатских делах и открыта к сотрудничеству с другими государствами, в том числе на соревновательной основе, но исходит из того, что при этом должен быть обеспечен полноформатный учет российских стратегических интересов в регионе. Одновременно такое сотрудничество должно отвечать насущным потребностям самих стран Центральной Азии. Есть все основания рассматривать Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в качестве ключевых взаимодополняющих структур, способных противодействовать вызовам и угрозам безопасности в Центральной Азии.

Сегодня обозначилась сфера, где конкуренция с Западом будет особенно жесткой. Для США и их союзников приоритетом является укрепление своего влияния в энергетической отрасли с упором на установление контроля над добычей нефти и газа, их транспортировкой на внешние рынки в обход России. Но в этой области у нашей страны есть весомые

контраргументы - высокий уровень сотрудничества с центральноазиатскими странами в энергетическом секторе, который станет еще выше, если удастся продвигаться в деле строительства Прикаспийского газопровода и модернизации региональной газотранспортной системы.

Как подчеркнул докладчик, несмотря на то, что в целом в Центральной Азии сохраняется стабильная обстановка, вызовы и угрозы региональной безопасности остаются реальностью. Опасное соседство с Афганистаном, где ситуация не только не улучшается, но имеет тенденцию к дальнейшей деградации, а также трудности собственного внутреннего развития являются первопричиной того, что регион продолжает находиться в фокусе внимания и деятельности экстремистов, террористов и наркодельцов, превративших его в основной транзитный коридор доставки афганских наркотиков в страны СНГ, прежде всего в Россию, и далее в Европу.

«Хизб ат-тахрир аль-ислямий» (ХТИ) и Исламская партия Туркестана (ИПТ) (бывшее Исламское движение Узбекистана), которые уже неоднократно предпринимали попытки дестабилизировать обстановку в Узбекистане и Киргизии, продолжают свою подрывную деятельность практически по всему региону. Стратегическая цель этих двух организаций - свержение светских режимов в Центральной Азии и создание в Ферганской долине теократического государства по типу халифата. Прикрываясь лозунгами возвращения Центральной Азии в «лоно чистого ислама», сторонники ХТИ и ИПТ делают ставку на распространение в регионе наиболее радикальных идей, которые особого хождения там раньше не имели. Это оказывает самое негативное воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию в центральноазиатских странах, что чревато опасными последствиями и в общерегиональном масштабе.

В докладе **А.В.Малашенко** акцент был сделан на проблемах распространения радикального исламизма в странах Центральной Азии. По его мнению, активность исламистов отражает недовольство людей внутренней по-

литикой правящих элит, коррупцией, низким уровнем жизни, отсутствием настоящих реформ. Кроме того, исламская форма выражения протеста является следствием запрета или ограниченными возможностями его выражения в светской форме.

Говоря о религиозных корнях исламского радикализма, автор отметил упадок в годы советской власти традиционного для Центральной Азии ислама *ханафитского* толка. Набравшая силу радикальная тенденция в религии была реакцией на слабость традиционного ислама, его деградацию, приспособленчество духовенства, отсутствие системы религиозного образования.

В докладе говорилось также и о влиянии извне. Хотя значение этого влияния нельзя абсолютизировать (что настойчиво делают все центральноазиатские руководители), в то же время его ни в коем случае нельзя и преуменьшать. Во-первых, исламские радикалы региона вписываются в мировую модель исламизма, во-вторых, между ними и их зарубежными единоверцами существуют и укрепляются разнообразные связи; в-третьих, распространенные в Центральной Азии базовые идеологические установки разработаны не в самом регионе, а за его пределами. Наконец, сегодня уже невозможно понять сущность проблем, с которыми сталкиваются страны Центральной Азии, без учета ситуации в Афганистане, который все чаще рассматривают как часть региона.

Большинство исламистских организаций Центральной Азии

Заседание «круглого стола» открыл директор Института актуальных международных проблем Дипакадемии МИД РФ А.К.Пушков (в центре).

являются малочисленными группами, даже кружками. Реальную силу представляет «Хизб ат-тахрир аль-ислямий», а в относительно недавнее время - Исламская партия Узбекистана. Хотя главным объектом, против которого направлена деятельность ХТИ, является нынешнее руководство Узбекистана, партия является наднациональной организацией, и ее подразделения существуют также и в других странах региона.

Количество членов ХТИ неизвестно. Невозможность точного подсчета «активных» исламистов заставляет предположить, что в Центральной Азии нет конкретного социального слоя (или слоев), который можно рассматривать как главную опору исламистов.

Партия состоит из ячеек, от 3 до 5 человек в каждой. Средний возраст членов ХТИ составляет около 30 лет. Похоже, что ее структура не будет кардинально меняться, к чему призывают нынешние идеологи исламистского экстремизма, например Абу Мусаб ас-Сури, считающий, что ключевой фигурой джихада должен стать террорист-одиночка, и призывающий временно отказаться от идеи создания исламского государства в одной отдельно взятой стране. Зато постепенно расширяется территория деятельности ХТИ. Так, в Киргизии деятельность ХТИ наблюдается

уже и в северных районах республики, где ранее ее присутствие не отмечалось. Одной из главных (и уже решаемых) задач ХТИ остается проникновение в госаппарат, в том числе в службы безопасности. Хотя нет никаких подтвержденных данных о том, как это происходит, большинство аналитиков уверены в том, что такой процесс имеет место.

А.В.Малашенко указал также, что зачастую правящие элиты используют ту опасность, которую представляет деятельность исламских радикалов, в качестве предлога для подавления оппозиции. В наибольшей степени это характерно для Узбекистана. Угроза со стороны религиозных экстремистов стала поводом требовать от населения сплочения вокруг власти и ее полной поддержки. Особую роль при формировании такого подхода сыграла гражданская война в Таджикистане, на которую ссылались все центральноазиатские президенты, когда хотели показать, к чему приводит излишняя демократизация и приход в политику сторонников сил, выступающих под исламскими лозунгами.

Трагический опыт Таджикистана выявил ряд важных обстоятельств. Во-первых, он продемонстрировал высокую вероятность прихода в политику исламистов, что действительно может дестабилизировать ситуацию, во-вторых, что во взаимоотношениях с ними власть не может руководствоваться только желанием раздавить оппонента, удалив его из поля легальной политики.

После 11 сентября 2001 г. руководители центральноазиатских государств делали все от них зависящее, чтобы представить свои страны в качестве главного оплота борьбы против мирового исламизма и терроризма. Успех «Аль-Каиды» действительно обеспокоил местные режимы, тем не менее, они были полностью уверены в собственной силе и преувеличивали исламистскую опасность, исходя в основном из конъюнктурных соображений, а именно, добиваясь увеличения материальной помощи.

В целом ислам в Центральной Азии остается достаточно политизированным. Однако, оценивая его роль, следует быть предельно осторожным, избегая крайностей.

Никакой «зеленой революции», в том числе в Узбекистане, ожидать не приходится. В ближайшее время власть останется в руках светских авторитарных режимов. Но при всем том исламизм как политический и религиозный феномен останется, и его влияние может усиливаться. Прежде всего, это относится к Узбекистану, а также к Киргизии и Таджикистану, где социально-экономическая обстановка остается напряженной.

В Центральной Азии (кроме Казахстана) продолжится процесс архаизации общества, что создаст предпосылки для усиления роли ислама как регулятора социальных отношений, а это в свою очередь облегчает его дальнейшее закрепление в политике. Лучше других это будет удаваться организациям, уже имеющим опыт политической борьбы под религиозными лозунгами и обеспечившим себе популярность благодаря критике правящих режимов с исламских позиций.

А.Б.Подцероб сосредоточил свое внимание на контактах российских мусульман с зарубежными религиозными неправительственными организациями (РНПО) исламских стран. Содействие, оказываемое зарубежными РНПО российским мусульманам, осуществляется по нескольким основным направлениям. Одним из них является сотрудничество в сфере подготовки священнослужителей. Так, во второй половине 90-х гг. в религиозных университетах и институтах Египта, Саудовской Аравии, Кувейта, Катара, Марокко, Туниса, Ливии, Сирии, Иордании, Турции обучались около 800 российских мусульман. В самой России к началу нынешнего десятилетия саудовские, египетские, сирийские, иорданские, алжирские, тунисские преподаватели работали в мусульманских учебных заведениях. Результаты религиозного образования, полученного российскими гражданами за рубежом, были неоднозначны, в частности, в Дагестане вопрос об их вовлечении в деятельность экстремистских организаций пришлось в 2002 г. рассматривать Государственному совету и Совету безопасности республики.

Ряд зарубежных РНПО, в том числе Всемирная исламская благотворительная организация (ВИБО), Лига исламского мира (ЛИМ) и др., выделяли средства на сооружение, реставрацию или функционирование мечетей, мусульманских культурных центров, религиозных институтов, медресе и т.п., правда, масштабы их финансовой помощи были не столь уж велики. Осуществлялась также и широкая благотворительная деятельность (издание религиозной литературы, организация разного рода форумов, оказание помощи беднякам, беженцам, лицам, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов или стихийных бедствий, поставки в этих целях медикаментов и продовольствия, строительство больниц и т.п.).

Важно отметить, что такие организации, как ЛИМ, Всемирная лига исламской молодежи (ВЛИМ), «Аль-Игаса», «Тайба» стремились действовать в обход российских официальных религиозных структур в вопросах распределения финансовой помощи, распространения Корана, строительства мечетей, обучения российских мусульман за рубежом, создания детских учебных лагерей в Чечне, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Башкортостане. Более того, проведенная в 1995 г. Министерством юстиции РФ проверка выявила факты нарушения российских законов «Аль-Игасой», «Тайбой» и рядом других организаций. В конце 90-х гг. ситуация изменилась к лучшему: под давлением египтян, алжирцев и тунисцев саудовцы провели кадровые перестановки в руководстве российских отделений Лиги исламского мира, «Аль-Игасы» и ВЛИМ, основными партнерами которых стали с того времени официальные мусульманские учреждения России.

Зарубежные РНПО занимались на территории России и других стран СНГ также и проповеднической деятельностью. Миссионеры некоторых организаций пропагандировали идеи религиозного возрожденчества, финансировали кружки, в которые вовлекалась симпатизировавшая исламистам молодежь.

Значительная финансовая помощь была оказана РНПО, со-

зданной в 1990 г. в России Исламской партией возрождения. Так, в 1992 г. саудовцы представили ее дагестанскому филиалу 17 млн долл. Не без содействия извне в России в начале нынешнего десятилетия возникли также и ячейки такой международной фундаменталистской организации, как Партия исламского освобождения (ПИО), которая превратилась в наиболее крупную исламистскую группировку в РФ за пределами северокавказского региона. Ее ячейки были раскрыты в республиках Татарстан и Башкортостан, в Тюмени, Тобольске, Нижневартовске.

После распада Советского Союза ситуация, сходная с российской, возникла также в Средней Азии и в Закавказье, интерес к которым начали проявлять Турция, Иран, Пакистан, арабские страны. Особую напористость демонстрировали турки, делавшие в своей пропаганде акцент не только на культурную и языковую близость, но и на общую принадлежность к толерантному, благоприятствующему проведению реформ ханафитскому мазхабу. Иранцы наиболее активно действовали в Азербайджане и Таджикистане. Были задействованы и возможности международных исламских организаций. Вскоре, впрочем, оказалось, что надежды российских мусульман на широкомасштабную помощь единоверцев не оправдываются. Да и у руководства зарубежных РНПО наступило разочарование в связи с секуляристской ориентацией местных политических элит.

Как Россия, так и другие страны Содружества независимых государств столкнулись с проблемой радикализации обучавшейся за рубежом молодежи. Одновременно в среднеазиатских республиках возникли местные отделения ПИО, ставшие там, как и в России, наиболее крупными исламистскими группировками.

Особое внимание А.Б.Подцероб обратил на помощь, которую международные исламские организации оказывали чеченским сепаратистам. При этом наиболее заметную роль играли «Аль-Каида» и движение «Талибан» (ДТ). Представителями Масхадова был подписан с бен Ладеном и прави-

тельством «Исламского эмирата Афганистан» протокол об оказании ими помощи Ичкерии добровольцами, оружием и боеприпасами. В свою очередь, побывавшие в Кандагаре в 1999 г. представители «министерства иностранных дел ЧРИ» договорились с бен Ладеном о предоставлении ему - если потребуется - убежища в Чечне. Чеченские боевики проходили военную подготовку на базах «Аль-Каиды» и ДТ в Афганистане, а на их подготовку непосредственно в Чечне бен Ладен выделил 10 млн долл.

Правительства мусульманских стран в ряде случаев оказались не в состоянии пресечь помощь чеченским сепаратистам, либо предпочли закрывать на нее глаза, чтобы не обострять отношений с собственными исламистами. Вместе с тем, во время второй чеченской кампании в столицах мусульманских государств начали осознавать, что не в их интересах способствовать расколу России и превращению Северного Кавказа в рассадник терроризма и религиозного фундаментализма. Такое прозрение привело к тому, что были приняты определенные меры для пресечения бесконтрольного предоставления помощи зарубежными РНПО.

В заключение докладчик выразил мнение, что для успешной борьбы с любой идеологией необходимо противопоставить ей другую, более привлекательную идеологию. Роль такой «антифундаменталистской» идеологической концепции, по его мнению, мог бы сыграть ислам реформаторской либо секуляристской направленности. Широкому распространению подобных взглядов препятствует нехватка в России грамотных, хорошо подготовленных преподавателей религиозных дисциплин. Решению этой проблемы могло бы способствовать направление российских студентов-мусульман в такие религиозные учебные заведения за рубежом, где подготовка будущих священнослужителей ведется в духе умеренного ислама.

Выступление **Г.А.Рудова** было посвящено анализу такого явления, как политический ислам, или исламизм. В современных исламских обществах, подчеркнул докладчик, на фоне глобали-

зации происходят два разных, но взаимопроникающих процесса. Первый - проявление глобальной исламской политической системы, второй - негативная реакция ислама на вестернизацию национальной культуры и проявления потребительства. Эта реакция сопровождается стремительным возрождением ислама и возвращением к его традиционным основам, причем процесс этот происходит не только в Центральной Азии, но и во всем исламском мире. Он нашел свое выражение в возврате к фундаментальным основам религии, «чистому» исламу и поиску ответа на вызовы сегодняшнего времени в уже достигнутых ранее знаниях и в реформе мусульманского общества и поиске решений проблем, порожденных современностью. Эти два направления в своей основе не противоречат друг другу и исходят из одного важного принципа - неизменности священного Корана и основ религии. Различны лишь способы достижения главной задачи - сохранить и упрочить положение мусульманской общины как в регионе, так и в мире.

Одним из важных результатов возрождения ислама явилась его политизация. Как указал докладчик, проблема религиозного экстремизма в переходных обществах Центральной Азии распадается по меньшей мере на составляющие: объективные, закономерные в переходных условиях процессы религиозного возрождения и использование внутренними и внешними силами религиозного фактора с целью продвижения своих интересов.

Проблема заключается в том, чтобы, умело используя положительный потенциал первого, закономерного компонента, постараться снизить как существующие, так и возможные отрицательные риски, а также ненужные последствия второй составляющей.

Особое внимание выступавший уделил проблеме терроризма и борьбы с ним в регионе Центральной Азии. Мировой опыт показывает, что главным негативным следствием международного терроризма становится замедление темпов экономического и политического развития в отдель-

ных регионах мира. Понятия «терроризм» и «модернизация» выступают как взаимно исключаютые.

Как отметил Г.А.Рудов, правительства ряда стран региона склонны использовать «исламскую угрозу» в качестве оправдания непомерно разросшихся сил безопасности, медленного внедрения демократических принципов управления и ограничения свободы слова.

В ходе общей дискуссии один из ведущих российских исламоведов **Р.Г.Ланда** (Институт востоковедения РАН) подчеркнул, что фундаментализм, широко распространившийся по исламскому миру после иранской революции 1978-1979 гг., а еще шире - после войны 1979-1989 гг. в Афганистане, далеко не везде вылился в насилие и терроризм. Большинство мусульман-фундаменталистов являются «умеренными» исламистами, готовыми отстаивать свои идеи мирными средствами. Вместе с теми, кому вообще чужд фундаментализм, они, безусловно, составляют большинство последователей ислама.

В наши дни политизации ислама способствуют груз обостряющихся социально-экономических противоречий в мусульманском мире и трудности, связанные с неудачными попытками модернизации, которые к тому же нередко вступают в противоречие с постулатами ислама. К этому нужно добавить и демографическое давление, а также технологическую отсталость, углубляющую унаследованную от прошлого пропасть между Западом и Востоком.

Анализируя ситуацию в Центральной Азии, выступавший делает вывод, что новой политической элите необходимо избавиться от своего коммунистического прошлого и соответствующего ему имиджа. Сближение с исламом было бы одним из шагов в этом направлении. Однако, если в 1991-1992 гг. политические руководители мусульманских республик СНГ еще были вынуждены считаться с исламистами, то к концу 1992 г. они, следуя примеру Таджикистана, практически везде перешли к подавлению исламистского движения. Стабильность достигалась путем систематического противопоставления

радикальному исламу исламу умеренного, фундаментализму - национализму, а национализму (если его использовала оппозиция) - регионализму, «просвещенного авторитаризма» и харизмы национального лидера.

А.И.Фурсов (Центр русских исследований Московского гуманитарного университета) в своем выступлении высказал мысль, что исламский радикализм нельзя рассматривать как бунт традиции против модерна. По мнению ряда историков, фундаментализм принципиально отличается от традиционализма прежде всего тем, что является по сути преодолением традиций, предлагая вернуться к истокам того периода, когда не были еще выстроены никакие традиции. Будучи по форме чем-то архаичным, исламский фундаментализм отрицает не только традицию, но и современность.

Отрицая или преодолевая традицию, исламский фундаментализм (радикальный исламизм) вступает в сложные отношения с глобализацией. По форме фундаментализм выступает как отрицание глобализации, как борец с ней. По сути, она является его базой: без и вне феномена глобализации нынешний исламский радикализм трудно себе представить.

Г.Г.Кадимова (Дипломатическая академия) поставила в своем выступлении проблему новой самоидентификации населения в странах Центральной Азии. Одни члены общества принимают новые, преимущественно западные, либеральные образцы и ценности, другие ищут опору в духовных ценностях, распространяемых региональными культурными центрами, третьи - в местных традициях. По его словам, в Центральной Азии складываются следующие основные идентификации: культурно-цивилизационная (исламская), национально-этническая (государственная) и кланово-территориальная (местная).

При исчезновении советских ценностных установок люди интуитивно обращаются к традициям. Религия становится «спасательным кругом», с помощью которого они пытаются найти новую идентичность. Приобщиться к вере им помогают местные и зарубежные проповедники, распро-

страняющие лозунги шариата, столь похожие на недавно отвергнутые коммунистические постулаты социальной справедливости, равенства, но завернутые в исламскую обертку.

Вынужденные идти на признание исламских и клановых, местных ценностей и интересов, национальные элиты стран Центральной Азии одновременно пытаются создать легитимную, контролируемую альтернативу приносимой радикалами идеологии и политической практике. Так создается почва для конфликта идентификации, сущность которого заключается в том, что власть насильственно навязывает идентификацию титульного этноса, игнорирующую как более широкую культурно-цивилизационную идентификацию, так и идентичность национальных и иных меньшинств. Что же касается радикального ислама, то он пытается представить себя как носителя более широкой культурно-цивилизационной идентификации.

А.И.Вавилов (МИД России) предположил, что основной причиной распространения исламского радикализма является ухудшение или в лучшем случае стагнация социально-экономического положения в большинстве стран Центральной Азии. Вторую, не менее важную причину он видит в ослаблении, а в недалекой перспективе постепенную утрату населением этих республик наработанных в прошлом связей с общемировой культурой и цивилизацией, главным каналом которых был русский язык. И, наконец, третьей причиной является авторитарный характер режимов в центральноазиатских республиках.

В целом мусульманский мир остался на положении мировой деревни, снабжающей капиталистический город сырьем и дешевой (часто нелегальной) рабочей силой. В этой тяжелой обстановке в мусульманском мире усиливаются настроения безысходности и социального отчаяния, растет внутренняя нестабильность. Отсутствие свободы самовыражения, подавление любого проявления секулярной активности, отходящей от официальной линии, развязывают руки исламистам, подкрепляя их лозунги о не-

обходимости отказа от чужеземного влияния, возврата в прошлое, о строительстве религиозного государства и возрождении халифата. В подъеме исламистского движения находят свое выражение поиски государств «третьего мира» новых ориентиров и идеалов, своего пути и места в качественно иной обстановке, сложившейся на международной арене после развала «социалистического лагеря».

Выступление **Р.С.Бобохонова** (Центр цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН) было посвящено радикальному исламу в Таджикистане. В частности, он отметил роль так называемых «мужских клубов» в распространении идей исламизма. В годы гражданской войны в Таджикистане (1992-1997) многие мужские клубы становились центрами распространения идей ваххабизма, призывавших к свержению существующей государственной власти и построению исламского государства на территории республики. В последние годы во многих мужских клубах религиозная идеология фундаменталистов не пропагандируется. Подавляющее большинство членов таких клубов больше не разделяет радикальных взглядов ваххабитов. Горькие уроки гражданской войны научили жить по-иному. Многие клубы постепенно возвращаются к прежней светской жизни. Сегодня религиозная ситуация в республике полностью находится под контролем властей.

А.В.Садур (Свято-Филаретовский институт) предположил в своем выступлении, что радикальный ислам возник как реакция мусульманского религиозного общества на те направления, которые далеко ушли от идеала, эталоном которого большинство мусульман считает общину Мухаммада. Это, в первую очередь, связано с суфиями и культурами, сложившимися внутри суфийских *тарикатов*. В некоторых направлениях суфизма сложились практики, которые вступали в прямой конфликт с мусульманской ортодоксией: это и чрезмерное почитание святых (*авлия*) и мест их захоронения, и вызывающе аморальное поведение некоторых членов мусуль-

манского общества. Все эти явления, а также растущее влияние Запада и секуляризация исламского мира породили мощную волну реакции, которую называют *салафия*.

Радикальный ислам стал оружием в руках политических сил, пытающихся сделать регионы бывшего СНГ сферой своего влияния. Нужно отметить, что в первую очередь он проник в традиционно суфийские регионы: Чечню, Дагестан, Ингушетию, Таджикистан. И это не случайно. Первоначально исламский радикализм был направлен именно против некоторых форм проявления суфизма.

По мнению выступавшего, для решения проблем, связанных с распространением радикального исламизма, целесообразно оказывать поддержку таким формам традиционного или регионально-ислама, которые уже доказали свою способность успешно противостоять натиску исламского радикализма.

Выступление **А.К.Нанаевой** (МГИМО) было посвящено анализу деятельности партии «Хизб ат-тахрир аль-ислямий» (ХТИ) - наиболее популярной радикальной исламской организации в Центральной Азии. Опыт деятельности ХТИ в разных странах мира подчеркивает двойственность ее характера: с одной стороны, она черпает силу в централизованной идеологической основе, которая также поддерживает партию, в том числе и организационно, с другой, успех во многом приходит благодаря тому, что ее руководители умело учитывают специфику местных условий данного региона.

Большинство членов ХТИ - узбеки, хотя в организацию входят также этнические киргизы и таджики. В Центральной Азии партия осуществляет свою деятельность в основном на территории Узбекистана, и ее основной целью является свержение президента Каримова. Однако в последнее время организация активизировала свои действия также и в Киргизии.

Многие члены ХТИ - безработная молодежь. Молодые люди тянутся к ХТИ из-за неудовлетворенности своей жизнью, а то и просто от скуки. Новобранцев особенно привлекают обещания

исламских радикалистов навести общественный порядок, обеспечить социальное равенство и оказывать помощь бедным и всем нуждающимся. Как правило, члены «Хизб ат-тахрир аль-ислямий» - это выходцы из малообразованных семей, и активнее всего их вербуют в сельских районах, где наиболее острыми проблемами являются бедность, безработица и отсутствие возможностей получать образование.

Однако в последнее время наблюдается устойчивая тенденция не только количественного роста, но и качественного улучшения состава членов ХТИ. В настоящее время упор делается на привлечение в ряды партии, прежде всего, образованных молодых людей. Активно проводится вербовочная работа среди госслужащих, сотрудников правоохранительных органов, а также среди военнослужащих и заключенных, находящихся в исправительно-трудовых колониях.

В.В.Черный (Совет Федерации ФС РФ) отметил в своем выступлении, что глобализация разрушает вековые культурно-бытовые традиции в странах ислама и по сути формирует новый тип современного неоколониализма, способствуя поляризации общества этих стран по доходам и образу жизни. Это вызывает резкую критику традиционно консервативных обществ исламских стран, толкает его членов на создание протестных организаций, деятельность которых направлена, в том числе и против американских идей глобальной демократизации.

Усиливающиеся тенденции к социальному расслоению и маргинализации являются питательной средой для идеологов радикального ислама. Несмотря на неоднократные поражения как военного, так и политического характера, экстремизм в регионе постоянно возрождается, поскольку населению угрожают безработица и голодная смерть. Для преодоления опасности социальных взрывов необходимо, прежде всего, преодолеть вопиющее социальное неравенство и повысить образовательный уровень населения стран. Одновременно с осуществлением программы ликвидации бедности, мерами по усовершенствованию

системы здравоохранения и решением жилищной проблемы следовало бы также наказывать виновных в военных преступлениях, чего постоянно требует общественность стран Центральной Азии.

А.В.Митрофанова (Дипломатическая академия) сосредоточила свое выступление на проблеме проведения грани между исламом как религией и исламизмом как религиозной идеологией. В исламе религия и политика почти неразделимы. Шариат является одновременно религиозным и гражданским законом; *умма* (сообщество мусульман) понимается как религиозная и политическая общность. Казалось бы, абсурдна сама мысль о том, что в исламе могут быть направления политического *квиетизма**. Однако политизированные исламисты не только видят, но постоянно подчеркивают различия между ними и сторонниками «просто ислама» (квиетистами).

Иранский светский ученый Али Шариати (1933-1977), который считается одним из предшественников Хомейни, создал самую настоящую гибридную форму религии, интерпретировав в духе шиизма деятельность партизанских движений Латинской Америки и вообще мировую практику революционной борьбы. Неприятие значительной частью иранского духовенства идей Шариати показывает, что сторонники традиционного понимания религии как пути личного спасения не могут принять религиозные идеологии.

Одним из наиболее революционных преобразований ислама, проведенных Хомейни, было наполнение традиционных догм современным политическим содержанием, что иногда приводило к кардинальной трансформации этих догм. Так, Хомейни полностью переосмыслил концепцию *шехадата*, которая в традиционном шиизме применялась исключительно к святым прежних дней. Хомейни одним из первых начал называть шахидами людей с улицы, участников поли-

тических боев, погибших за свои убеждения.

Исламизму присуще расширительное толкование того, кто является мусульманином. Одним из лозунгов исламской революции в Иране было своеобразное отождествление «мусульман» и «угнетенных»: угнетенные всего мира считались чем-то вроде почетных мусульман. Фраза «мусульманские народы и угнетенные всего мира» постоянно встречается в «Завещании» Хомейни.

Выступление **В.Н.Матяша** (Дипломатическая академия) было посвящено влиянию США в регионе. От Черного моря до Памира, указал выступавший, на наших глазах формируется зона российско-американского соперничества. Российские аналитики не исключают варианта создания вокруг России «пояса безопасности» из стран прозападной ориентации. У Китая также появляется все больше оснований опасаться американской политики ограничения китайского влияния не только в мире в целом, но и в регионе Центральной Азии. Военные действия Соединенных Штатов в Афганистане и Ираке вызывают негативную реакцию мусульманских кругов в центральноазиатских странах. Результативность антитеррористической операции в Афганистане остается низкой, а неспособность разгромить подпольную сеть «Хизб ат-тахрир аль-ислямий» дает ей возможность для сближения с радикалами исламистского движения в Узбекистане. Американские аналитики понимают, что дальнейшая радикализация и милитаризация исламистских движений в регионе только усугубят проблемы Вашингтона.

Позиция России проистекает из двух положений, заложенных в российской внешнеполитической стратегии. Первое из них заключается в представлении о том, что бывшие советские республики Центральной Азии являются естественной зоной российского влияния, поскольку России по праву принадлежит место регионального лидера в пространстве, связанном с ней общими историческими и культурными корнями. Второе - в том, что главной целью российской политики в

сфере обеспечения безопасности является борьба с терроризмом в целом и, прежде всего, в регионе Центральной Азии.

О.Г.Пересыпкин (Дипломатическая академия) продолжил предложенную предыдущим выступавшим тему, подчеркнув, что несколько лет назад США и их союзники начали активную кампанию по внедрению в общественное сознание представления о том, что исламский мир представляет угрозу для других цивилизаций. Подобные представления и манипуляции придуманы неоконсерваторами США, которые в лице исламского мира после распада СССР и социалистической системы пытаются найти нового врага. Анализ действий США на Ближнем Востоке показывает, что именно американцы невольно, а иногда и сознательно поощряют экстремистские элементы в исламе. Движение «Талибан» в Афганистане создавали США в противовес просоветскому режиму в Кабуле, а бен Ладен был и остается самым талантливым и дорогим агентом ЦРУ.

Итоги обсуждения подвел **Г.А.Рудов**. Он предположил, что распространение радикального исламизма в регионе Центральной Азии связано со следующими факторами:

- проблемами социально-экономического развития, вытекающие из неудачных проектов модернизации;
- упадком в годы советской власти традиционного ислама, что создало вакуум, немедленно заполненный радикальными концепциями;
- преобладанием в регионе авторитарных режимов, которые делают невозможным функционирование светской оппозиции;
- влиянием внерегиональных сил как государств, так и международных исламских движений.

Участники согласились, что, хотя радикальный исламизм представляет собой серьезную угрозу безопасности региона, его не следует переоценивать, так как на сегодняшний день тотальная исламизация региона выглядит малореальной перспективой.

Обзор «круглого стола»
подготовила
д.п.н. А.В. МИТРОФАНОВА

* Квиетизм - религиозно-этическое учение, проповедующее смирение, покорность, созерцательное, пассивное отношение к действительности, полное подчинение божественной воле. (Прим. ред.)